Н. П. Лихачев

Из лекций по дипломатике

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 304
ББК 60.5
Н11

Н. П. Лихачев
Н11 Из лекций по дипломатике / Н. П. Лихачев – М.: Книга по Требованию, 2021. – 315 с.

ISBN 978-5-4241-6868-0

ISBN 978-5-4241-6868-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс
www.samizday.ru/reprint

риковъ и являлась краеугольнымъ камнемъ во взглядахъ на политическія воззрѣнія Іоанна Грознаго. Нѣкоторыя фразы ея таковы, что будь это въ другомъ мѣстѣ, она возбудила бы сомнѣнія. И вотъ Платоновъ потребовалъ оригиналъ этой рѣчи и констатировалъ по бумагѣ, что хотя почеркъ и похожъ, но что этотъ листокъ, на которомъ написана рѣчь, вклеенъ въ книгу и историки не замѣтили этой наклейки. По поводу этого любопытнаго Хрущевскаго списка Степенной книги молодой ученый Васенко написалъ небольшое изслѣдованіе, что вставки, сдѣланныя въ Хрущевскій списокъ, имѣли политическое значеніе. Дипломатика должна быть особенно спеціальна въ Россіи, потому что у насъ напр. совсѣмъ нѣтъ курса исторіографіи не только печатнаго, но даже лекцій. Все это лежитъ на почвѣ отдѣльныхъ наблюденій, мелкихъ поправокъ и фактовъ. Я долженъ сказать, что въ смыслѣ чисто русской дипломатики въ отношеніи къ русскимъ грамотамъ (я обратилъ вниманіе на поддѣлки ихъ) мы до сихъ поръ находимся въ самомъ началѣ. Мнѣ приходилось уже говорить Вамъ относительно грамоты рода Протасьевыхъ: мнѣ удалось доказать, что онѣ созданы по подлиннымъ образцамъ. Я столкнулся опять по поводу одной грамоты съ очень интересной грамотой, которая издана Ключевскимъ въ „Боярской Думѣ“. Эта грамота мѣстная Нижегородскаго князя XIV ст., она обратила на себя вниманіе Ключевскаго необычностью своего содержанія и въ то же время своею важностью, которую она имѣла бы для всей русской земли. Въ послѣднемъ изданіи „Думы“ найдена была еще подобная же грамота мѣстная, которая хранится теперь въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ, поступила по наслѣдству отъ купца Мазурина. Какъ Ключевскій, такъ и его послѣдователи, приходятъ къ заключенію, что эта грамота, извлеченная изъ бумагъ Артемія Волынскаго, подлинная, что въ ней мы имѣемъ рѣдчайшій образецъ мѣстническаго строя во второй половинѣ XIV в. Мое мнѣніе, которое будетъ напечатано въ „Запискахъ Археологическаго Общества“, что эта грамота, несмотря на авторитетъ Ключевскаго, представляетъ собою поддѣлку XVII или XVIII в. и была представлена кабинетъ-министру Волынскому, который собиралъ свѣдѣнія о Волынскихъ князьяхъ. Я представилъ цѣлый рядъ указаній на дипломатическія неправильности, и едва ли я ошибусь, если скажу, что наступитъ время, когда эта грамота будетъ причислена къ поддѣлкамъ. Въ ней нѣтъ интерполяціи, она не принадлежитъ къ числу тѣхъ рѣдкихъ документовъ, въ

которыхъ случайно вставлены слова, она представляетъ собою чистѣйшую поддѣлку.

Я долженъ указать на полную неразработанность русской дипломатики и выяснить все значеніе и необходимость экскурсій. Въ нашей наукѣ вопросъ о вліяніи гораздо важнѣе, потому что мы съ нимъ встрѣчаемся со всѣхъ сторонъ. Напр. въ сфрагистикѣ, если мы обратимъ вниманіе на старыя русскія печати, то мы увидимъ, то по нимъ можно возстановить, какъ русскія печати изъ первоначальнаго византійскаго типа измѣнялись въ русскія, свинцовыя печати исчезли, замѣнившись восковыми. Вліяніе Византіи отразилось не только на Россіи и на южно-славянскихъ земляхъ, но и на Папской области (до настоящаго времени печатаютъ папскую буллу свинцовыми печатями), во Франціи и въ Южной Италіи.

Если мы обратимся къ русской сфрагистикѣ и возьмемъ печать московскихъ государей, ту, которую мы имѣемъ въ настоящее время, и прослѣдимъ ея развитіе до настоящаго времени, то мы должны обратить вниманіе также на печати польскую, шведскую и печать римскаго императора. Если мы обратимся къ одному основному акту—къ древнѣйшей грамотѣ московскаго періода—къ грамотѣ Калиты, то мы увидимъ, что тамъ привѣшена печатка съ монгольской тангой. Эта танга очевидно, имѣетъ какую-то связь съ верховнымъ главенствомъ царей Золотой Орды,—и такимъ образомъ тутъ мы имѣемъ дѣло съ вліяніемъ Золотой Орды.

Мы знаемъ документы XV столѣтія, подписанные на восточномъ языкѣ—илп по татарски, или по арабски. Тутъ уже мы не можемъ говорить о вліяніи въ смыслѣ верховнаго владычества,—тутъ мы имѣемъ дѣло просто со способомъ сдѣлать грамоту болѣе трудную для поддѣлки. Для этой цѣли иногда подпись была съ росчеркомъ, иногда дѣлался условный знакъ; кто зналъ восточные языки, подписывался на восточномъ языкѣ. Дьякъ Ивашъ употреблялъ латынь въ доказательство того, что онъ знаетъ латинскій языкъ. Такимъ образомъ затруднялась контрафакція. Если мы обратимся къ кла. . . . . , которые находятся теперь въ Кіевѣ и въ Твери, то мы увидимъ, что эти знаки должны быть сопоставляемы съ другими: если мы будемъ сопоставлять ихъ съ прототипомъ, то мы опустимся въ глубокую древность, мы дойдемъ до кла. . . . . , которые насчитываютъ до 2000 лѣтъ. Но мы не должны забывать, что эти цивилизаціи въ свою очередь лежатъ въ древнѣйшей восточной цивилизаціи:

нѣкоторые доходятъ до ассирійской цивилизаціи. Конечно, спеціальное изложеніе этихъ областей знанія не можетъ входить въ удѣлъ дипломатиста: еслибы отъ него требовать спеціальныхъ изслѣдованій, то надо было бы предположить въ немъ энциклопедиста. Если про энциклопедиста можно сказать то, что было сказано про Пико де ла Мирандоля „что онъ знаетъ все познаваемое и еще кое что", то дипломатистъ долженъ лишь слѣдить за наукой и быть всегда наготовѣ, чтобы изъ вторыхъ рукъ воспользоваться новыми открытіями. Каковъ же объемъ дипломатики въ полномъ ея видѣ?

Составъ ея слѣдующій:

I. Понятіе о дипломатикѣ, смыслъ ея, какъ знанія, и задачи. Источники изученія. Объемъ и отношеніе къ другимъ историческимъ знаніямъ.

II. Исторія развитія дипломатики, какъ науки (или лучше сказать, какъ вспомогательнаго историческаго знанія):

1) Обзоръ сочиненій по дипломатикѣ, начиная съ попытокъ критики и классификаціи актовъ.

2) Обзоръ изданій, содержащихъ дипломатическія источники, и общая исторіографія археографіи.

3) Обзоръ хранилищъ матеріала, подлежащаго дипломатическому изученію.

III. Матеріалы, служившіе для написанія дипломатическихъ памятниковъ:

1) Камень.

2) Глина и черепки.

3) Металлъ.

4) Дерево и береста.

5) Таблетки съ воскомъ.

6) Папирусъ.

7) Кожа и пергаментъ.

8) Бумага и филиграновѣдѣніе.

IV. Хронологія. Эры. Календари. Различныя датировки по событіямъ и по именамъ чиновниковъ.

V. Внѣшняя критика актовъ:

1) Дипломатическая палеографія: а) Соотношеніе ея съ эпиграфикой и палеографіей общей. Искусственныя письма полностью и искусственныя начертанія въ обычномъ письмѣ.

б) Исторія дипломатической тахиграфіи и тайнописи (криптографія). Абровіатуры въ дипломатической палеографіи.

в) Различные палеографическіе знаки укрѣпленія (вали-

даціи) акта. Подписи, скрѣпы, помѣты. Монограммы чиновниковъ.

г) Вопросъ объ автографахъ. Разнообразныя стороны изученія автографовъ. Особенности палеографическія сравнительно съ палеографіей общей и дипломатической. Вопросъ о возможности характеристикъ историческихъ дѣятелей. Новѣйшія медицинскія теоріи и соотношеніи письма съ состояніемъ здоровья писавшаго.

д) Форма, составъ и строеніе актовъ. „Богословіе". Вступительныя и заключительныя формулы. Подробности датировокъ.

2) Сфрагистика:

а) Исторія изученія сфрагистики и попытки классификаціи памятниковъ.

б) Исторія сфрагистики. Типы сфрагистическихъ памятниковъ. Цилиндры, скарабонъ, перстни, буллотиріи. Матрицы и оттиски. Основные типы оттисковъ. Печати висльія и прикладныя.

в) Изученіе того и другого вида печатей, начиная съ древнѣйшихъ прототиповъ.

г) Способы запечатанія документовъ. Исторія закрытыхъ писемъ до изобрѣтенія конвертовъ. Употребленіе конвертовъ въ разное время. Грамоты отворчатыя и затворчатыя.

д) Кустодіи печатей.

3) Украшеніе актовъ съ цѣлями эстетическими и для лучшаго сохраненія (консерваціи). Орнаментика простая и украшенія актовъ изображеніями святыхъ, портретами, гербами Акты златописные, киноварью, на цвѣтномъ матеріалѣ. Прикрѣпленіе кусковъ матеріи, матеріальныхъ и металлическихъ щитковъ для прикрѣпленія печатей.

VI. Исторія архивовъ, какъ мѣстъ храненія документовъ въ различные періоды исторіи.

VII. Исторія эманаціи актовъ (по канцеляріямъ). Типы, виды и подраздѣленія актовъ.

VIII. Внутренняя критика, по тексту и содержанію. Причины, почему этотъ отдѣлъ почти полностью долженъ быть вынесенъ въ область спеціальной исторической критики.

IX. Вопросъ о языкѣ актовъ (отнюдь не надо смѣшивать съ филологическими изысканіями).

Мѣстные языки и нарѣчія. Средневѣковая латынь и новые языки.

Литва и русскій языкъ.

Румынія и славянскій языкъ. . . . . .

X. Подложные документы и ихъ критика. . . . . .

Архаизація. Копированіе, имитація безъ цѣлей обмана и настоящія историческія поддѣлки. Исторія поддѣлокъ и фальсификацій. Интерполированіе подлинниковъ, порча регистровъ. Методы критики оригиналовъ и актовъ въ копіяхъ. Совершенная поддѣлка документовъ и автографовъ. Обзоръ важнѣйшихъ случаевъ. Очаги фальсификаціи. Способы критики палеографической и при помощи фотографіи. . . . . .

Предметъ, которымъ мы займемся, есть историческое источниковѣдѣніе въ спеціальномъ его отдѣлѣ, который въ Западной Европѣ давно уже выработался въ самостоятельное знаніе въ обособленную вѣтвь историческихъ наукъ, получившую названіе „Дипломатики".

Дипломатика—это и есть наука объ актахъ, актологія, изучающая документальные памятники письменности съ ихъ внѣшней и внутренней стороны.

Въ Западной Европѣ дипломатика имѣетъ свою литературу и давно вошла въ кругъ преподаваемыхъ будущимъ историкамъ и архивистамъ наукъ. Что же касается Россіи, то дипломатика, въ указанномъ ея значеніи, представляетъ одну изъ наименѣе разработанныхъ у насъ вспомогательныхъ отраслей исторической науки. Дѣло изученія ея стоитъ пока на почвѣ отдѣльныхъ, разбросанныхъ въ историко-археографическихъ трудахъ, замѣчаній и изслѣдователю въ этомъ направленіи для каждой мелочи приходится обращаться не только къ первоисточникамъ, но и къ самымъ ихъ подлинникамъ, отнюдь не сосредоточеннымъ въ какомъ-либо одномъ мѣстѣ, а находящимся на храненіи въ цѣломъ рядѣ архивныхъ учрежденій обѣихъ столицъ. Все объясняется тѣмъ, что издатели актовъ мало обращали вниманія именно на дипломатическую сторону ихъ, а отсутствіе точныхъ способовъ воспроизведенія оригиналовъ не давало возможности составлять альбомы, которые хотя сколько нибудь замѣняли въ этомъ отношеніи подлинники.

Происхожденіе наименованія дипломатики довольно случайное—этимологически оно объясняется изъ греческаго языка *διπλόω-διπλόομαι-διπλοῦν*—сдваивать, отъ *δίπλόω*—существительное *δίπλωμα* *), перешедшее въ латинскій языкъ какъ diploma или

*) У Дюканжа — „*Δίπλωμα*, litera Principum signis obsignata, diploma... Vox à Latinis mediae aetatis passim usurpata. Vide Budaeum ad Pandect. part. 2".

изрѣдка какъ „diuplomum“ отъ duplex—двойной. Такимъ образомъ, первоначальное значеніе слова diploma—это документъ, начертанный на двухъ пластинкахъ, складывающихся вмѣстѣ въ видѣ диптиха. Хотя Форчеллини и записалъ въ своемъ словарѣ опредѣленно и прямо, что подъ этимъ терминомъ „significantur litterae principis, aut, magistratus, quibus aliquid alicui conceditur“, но толкованіе, что дипломы уже въ древности имѣли значеніе императорскихъ привиллегій, является сомнительнымъ. Правда, у Светонія сказано про Августа „in diplomatibus, libellisque et epistolis signandis sphinge usus erat“ (50). Но въ эпоху Римской республики и имперіи дипломъ имѣлъ почти исключительное спеціальное значеніе: 1) какъ паспортъ для курьеровъ („diplomate diebus et noctibus iter continuare“), такой дипломъ давалъ право на пользованіе государственной почтой; 2) другой смыслъ диплома римской эпохи—это указъ объ отставкѣ, удостовѣрявшій права и льготы, выслуженныя ветераномъ, владѣльцемъ диплома—такъ называемыя „honestae missionis“.

Такіе эпиграфическіе памятники были находимы неоднократно, и существуетъ цѣлая литература о военныхъ дипломахъ (diplomata militaria).

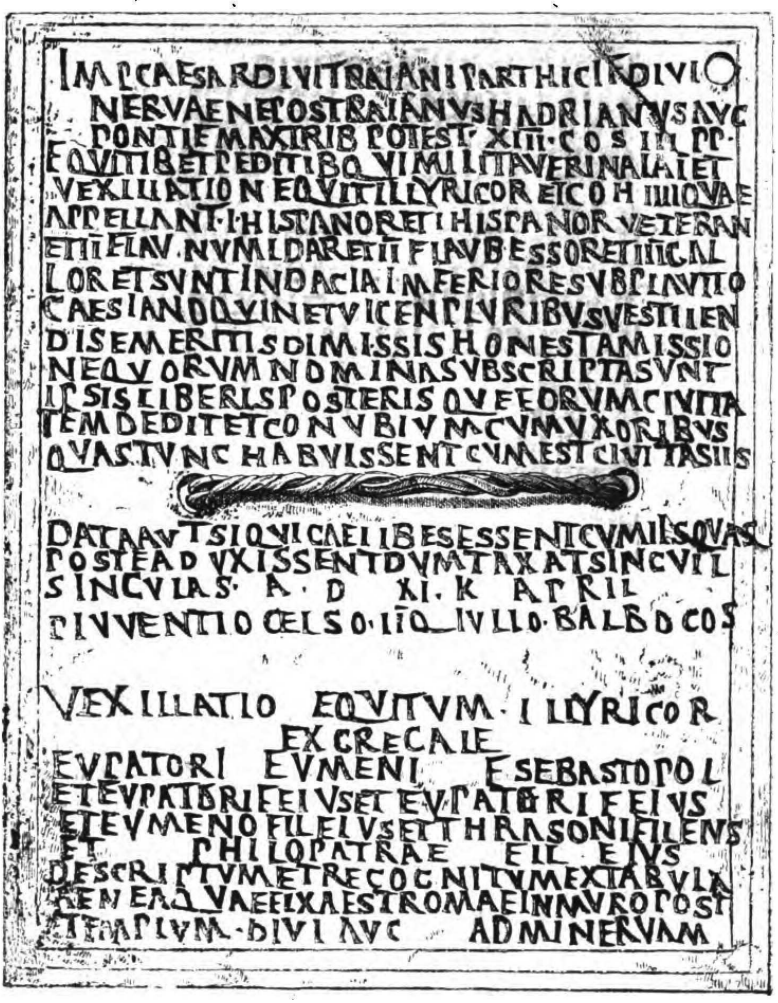
Оба рода дипломовъ вырѣзывались на двухъ бронзовыхъ дощечкахъ, складывавшихся вмѣстѣ.

Терминъ „дипломъ“ почти исчезъ за время среднихъ вѣковъ, но память объ его первоначальномъ значеніи сохранялась довольно долго.

Ученые эпохи Возрожденія возобновили забытое наименованіе, но примѣнили его не совсѣмъ удачно, обозначивъ этимъ именемъ государственные акты, проистекавшіе отъ верховной власти.

Парижскій юристъ Гильомъ Будэ (Budaeus), королевскій секретарь „maitre de la librairie du roi“ (1467—1540) въ 1508 году (второе изданіе въ 1556) въ „Annotationes in XXIV libros Pandectarum“ (II, 84) говоритъ: „diplomata sunt quas litteras patentes nunc appellamus, ejus modi sunt edicta et mandata principum, regis signo sancta, et quas bullas pontificias vocant“. Іоахимъ де Ваттъ (Vadianus) въ „Farrago antiquitatum Alamannicarum“ опредѣляетъ: diplomata quae vulgo privilegia imperatorum, regum, ducum, comitum.

Такая не совсѣмъ правильная въ историческомъ отношеніи терминологія вошла въ обычай, укрѣпилась и удержалась до настоящаго времени. „Sources diplomatiques“—„documents diplomatiques“ въ научномъ языкѣ вовсе не имѣютъ узкаго значенія



Римскій дипломъ.

въ смыслѣ памятниковъ дипломатическихъ сношеній, а означаютъ памятники документальные

Въ настоящее время въ русскомъ языкѣ терминъ „Дипломъ“ значительно вернулся къ первоначальному своему смыслу—это свидѣтельство въ пріобрѣтенныхъ правахъ и льготахъ—окончаніе курса учебнаго заведенія, полученіе ученой степени, избраніе въ члены какого-нибудь учрежденія (съ правами такому членству присвоенными) и т. д.

Такимъ образомъ наименованіе „дипломатика“ не соотвѣтствуетъ въ сущности объему той отрасли историческаго знанія, которую мы опредѣлили какъ науку о б ъ а к т а х ъ. При этомъ необходимо оговориться, что въ данномъ случаѣ понятіе объ актѣ шире понятія о документѣ, какъ письменномъ доказательствѣ юридическихъ отношеній и событій и вмѣщаетъ представленіе о письменныхъ памятникахъ документальнаго характера, касающихся историческихъ событій вообще.

Воззрѣнія на историческое изученіе и его задачи постоянно мѣняются. Невозможность познанія абсолютной исторической

истины заставляетъ искать все новыхъ и новыхъ путей. Люди разныхъ временъ и взглядовъ приходятъ къ одинаковымъ скептическимъ воззрѣніямъ на историческую правду. „Я всегда доискивался истины", говоритъ Гиббонъ, „хотя я до сихъ поръ находилъ лишь правдоподобіе (I, с. XVII—XVIII). „Въ исторіи вѣроятное представляетъ собою истинное", повторяетъ Тэнъ.

Именно въ погонѣ за достовѣрностью XIX вѣкъ выдвинулъ на первый планъ архивные источники историческаго изученія, давъ тѣмъ новый толчокъ разработкѣ дипломатики.

Дипломатическіе источники, представляя крайнее разнообразіе по внѣшнему виду и внутреннему содержанію, дѣлясь на множество видовъ и отдѣловъ, имѣютъ между собою нѣчто общее, что позволяетъ примѣнять къ нимъ и общіе пріемы критики. Ихъ объединяетъ подлинность и современность событій. Это драгоцѣнное качество позволяетъ на основаніи данныхъ дипломатическаго матеріала провѣрять показанія другихъ видовъ историческихъ источниковъ и тѣмъ придаетъ ему весьма важное научное значеніе.

Не мало было споровъ и увлеченій о значеніи архивнаго матеріала. Эти споры, можно сказать, выяснили значеніе дипломатическихъ источниковъ исторіи сравнительно съ повѣствовательными.

Разборъ такихъ памятниковъ, какъ лѣтописи, хроники, мемуары, сказанія, дневники, воспоминанія и т. д. указалъ на все обиліе подводныхъ камней въ этомъ безбрежномъ литературномъ морѣ. Пристрастность, односторонность, забывчивость, ненамѣренный обманъ, наконецъ,—вотъ что заставляетъ изслѣдователя быть постоянно на сторожѣ при пользованіи матеріаломъ повѣствовательнымъ.

Какъ примѣръ мы можемъ взять хотя бы лѣтописи: разное отношеніе разныхъ лѣтописей къ Андрею Боголюбскому, отношеніе сѣверныхъ лѣтописей къ Москвѣ и московскихъ къ Новгороду и т. д.

Внимательное изученіе лѣтописей вскрываетъ передъ нами такую массу наслоеній, переработокъ и прибавокъ, что знаменитые лѣтописные своды наши требуютъ все новыхъ и новыхъ труднѣйшихъ критическихъ изслѣдованій. Въ самое послѣднее время этотъ важный вопросъ поставленъ на совсѣмъ новую почву въ трудахъ академика А. А. Шахматова. Я скажу о недавнемъ открытіи Шахматова; это одинъ изъ маленькихъ

курьезовъ. Въ очень извѣстномъ изслѣдованіи Е. Голубинскаго „Исторія канонизаціи святыхъ въ русской церкви“ (изд. 2. М. 1903, стр. 580) мы найдемъ такое указаніе: Іоаннъ Сухой. Ярославскій, неизвѣстно когда жившій до второй половины XV вѣка. Въ Новгородской 4-й лѣтописи и въ нѣкоторыхъ спискахъ Воскресенской лѣтописи читается подъ 1463 годомъ, что послѣ того, какъ въ семъ году начались въ Ярославлѣ чудеса отъ гроба князя Ѳеодора Ростиславича съ дѣтьми: „Иванъ Сухой чудеса творити почалъ по всей Ярославской вотчинѣ“ (П. С. Р. Л. IV, 149; VI, 247). Тамъ записанъ „неизвѣстный святой“. Но вотъ въ самое послѣднее время Шахматову случайно попался на глаза Ермолинскій списокъ. Подъ 1463 г. онъ нашелъ это извѣстіе, но только съ небольшимъ измѣненіемъ: послѣ описанія чудесъ отъ гроба Ѳеодора Ростиславича сказано: пріѣхалъ бояринъ Иванъ Сухой и началъ чудеса творити: кому вотчины прибавитъ, кому убавитъ, у кого и совсѣмъ отниметъ“. Когда этотъ отзывъ попалъ въ руки московскаго переписчика, то при его уваженіи къ лѣтописному дѣлу онъ записалъ только, что „онъ началъ чудеса творити“, а конецъ не записалъ. Между тѣмъ вслѣдствіе этого у Голубинскаго сдѣланъ выводъ, что Иванъ Сухой былъ неизвѣстный святой“.

Что касается до мемуаровъ и записокъ, то хвастовство и пристрастность еще не составляютъ ихъ главныхъ недостатковъ,— нерѣдко они прямо сочинялись въ цѣляхъ самооправданія и самовосхваленія. Какъ образецъ пристрастности можно указать на записки Вигеля; документъ самооправданія—мемуары Екатерины Великой, самовосхваленія—записки Дашковой. Въ высокой степени талантливыя записки Екатерины II (къ сожалѣнію, изданныя, кажется. не совсѣмъ исправно и не въ полномъ объемѣ) разсчитаны на впечатлѣніе читателя, краски, которыми зачернена личность Петра III, наложены такъ густо, что можно только удивляться, какъ историки самаго послѣдняго времени подчиняются такому злостному субъективизму. Замѣчательно, что даже и В. Бильбасовъ, большой недоброжелатель Екатерины, въ первомъ томѣ своей исторіи находится явно подъ ея вліяніемъ. Такова сила повѣствовательныхъ источниковъ, когда тенденціи ихъ сходятся съ тенденціями изслѣдователя.

Въ послѣднее время записки, мемуары и воспоминанія въ историческихъ и quasi историческихъ журналахъ сыпятся какъ изъ рога изобилія. И, Боже мой, сколько поправокъ и опроверженій они вызываютъ! Недавно изданныя записки Смирновой